

Уроки Олега Семеновича Газмана

Александр Полонников

Полонников Александр Андреевич — в прошлом активный участник общественно-педагогического движения.

Координатор гродненского педагогического клуба “Эврика” (1986–1989), член ревизионной комиссии ТОПР (творческое объединение педагогов республики) (1989–1991).

Один из авторов текста “Концепции национальной школы Беларуси” (1993).

Автор более 150 научных, научно-методических и научно-популярных работ по проблемам теории и методологии образования, психологии обучения и воспитания.

Область актуальных научных интересов: методология науки, образовательные инновации, исследования учебной коммуникации, история психологии Беларуси.

e-mail: polonn@bsu.by

*Олег был гениальным
(по-русски — порождающим)
открывателем педагогических материалов,
но не их цивилизатором,
не оформителем, не столбиком
золотоносных жил.
И в этом его тайна,
его продолжающаяся жизнь.*

В.И. Слободчиков

краткая справка

ОЛЕГ СЕМЕНОВИЧ ГАЗМАН (1936 — Полоцк; 1996 — Москва)

В конце 50-х годов О.С. Газман закончил филологическое отделение историко-филологического факультета Новосибирского педагогического института.

После окончания института работал директором в Верх-Каргатской совхозной школы Здвинского района Новосибирской области.

С начала 60-х годов Олег Семенович начальник Всероссийского пионерского лагеря “Орленок” — места, где была апробирована и модифицирована коммунарская методика воспитания. Позднее сформулированные им педагогические идеи легли в основу его кандидатской диссертации. В аспирантуре О.С. Газман учился у профессора Л.И. Новиковой (лаборатория “Коллектив и личность” в АПН РСФСР).

В 70-е годы Олег Семенович Газман руководит лабораторией детской игры в НИИ общих проблем воспитания АПН СССР. Экспериментальной площадкой лаборатории стал подмосковный детский лагерь “Маяк”, где О.С. Газман вместе с коллегами разрабатывал игровые методики внешкольного образования.

В конце 80-х решением Государственного комитета по образованию СССР создается ВНИК “Базовая школа” (руководитель Э. Днепров) по выработке концепции общего среднего образования, в котором активно участвовал О.С. Газман. Им написан раздел концепции “Перестройка воспитания в школе”.

В начале 90-х, с открытием в Москве Института педагогических инноваций, Олег Семенович, теперь уже член-корреспондент РАО, возглавляет лабораторию гуманизации воспитания. Среди основных идей лаборатории — идея педагогической поддержки, идея “трех С” (самоорганизация, саморазвитие, самореабилитация детей) и концепция гражданского воспитания учащейся молодежи.

“В 2006 году исполнилось 70 лет со дня рождения известного российского ученого Олега Семеновича Газмана. Его творческое наследие, к сожалению, мало известно отечественному педагогическому сообществу и прежде всего тем, кто работает в сфере негосударственного образования, а значит ориентирован на творчество, поиск и связанный с этим ежедневный риск. Публикацией данной статьи редакция рассчитывает оживить интерес к педагогическому опыту Олегу Семеновича Газмана, потенциал которого нам еще предстоит переосмыслить в новом жизненном контексте”.

О б Олеге Семеновиче Газмане я впервые услышал где-то в середине 80-х. В СССР началась перестройка и, благодаря прежде всего подвижничеству Владимира Федоровича Матвеева¹ и Симона Львовича Соловейчика², в стране возникло общественно-педагогическое движение, ориентированное на решительное обновление отечественного образования — “Педагогика сотрудничества”. “Учительская газета”, которую Симон Львович иначе как “фронтовая” не называл, на своих страницах развернула, своеобразный педагогический promotion, в результате чего обращение научного символического капитала на образовательном рынке значительно превысило потребительские возможности тогдашнего учительства и вряд ли серьезно изменило педагогическую практику, но многие идеи и имена посредством этой “раскрутки”, тем не менее, стали известны широкой публике. Среди них было и имя Олега Семеновича Газмана — в то время заведующего лабораторией игровой деятельности школьников НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР. Слухи о “Маяке” — экспериментальном пионерском лагере Газмана — соперничали на равных с молвой о любимовской Таганке.

Многим ученым, в том числе и Газману, “Учительская газета” предоставила огромную аудиторию работников науки и образования всей страны. Причем, поскольку это были годы перестройки, говорить разрешалось о самом заветном, о том, что долгие годы сказать не удавалось или приходилось высказывать намеком, недоговором, прибегая к языку иносказаний или обезличенному научному сленгу.

Замечательное, по-своему, время, можно было делать все или почти все...

Я перелистываю газетные страницы двадцатилетней давности. Вот первая статья Олега Семеновича из моей коллекции: “Воспитательные возможности коллективной игры”³. Чем внимательнее вчитываюсь, тем более удивляюсь. Сегодня очень сложно восстановить те обстоятельства, которые побудили меня тогда сохранить эту публикацию. Возможно, это своеобразный пример концептуального дефицита, который побуждал многих педагогов, в том числе и меня, собирать про запас все мало-мальски интересное. А может быть и так: в те далекие годы в словах Газмана мой неискушенный педагогической наукой ум вычитывал какие-то высшие смыслы, вычерпывая забытую ныне энергетику, помогавшую не так болезненно переносить унылую школьную повседневность.

Сегодня же это чтение, взятое в новом жизненном и профессиональном контексте, действительно озадачивает. О чем же писал Олег Семенович? О том, что игра является развивающей деятельностью, причем не только в дошкольном детстве, о том, что она — пространство сотрудничества воспитателей и воспитанников, о том, что посредством игры можно открыть ребенку дверь в мир культуры взрослых и, наконец, о свободных играх детей и их педагогической аранжировке. Все это и раньше и теперь можно было легко прочесть в любом учебнике по методике воспитательной работы, а в случае с монографией Д.Б. Эльконина⁴, уже тогда слышавшей бестселлером, узнать об игре и нечто более основательное. Стало быть, здесь Газман — в роли просветителя.

Или вот еще один материал, сделавший этого ученого знаменитым на всю страну — “Академия» и «Клуб»⁵. В нем болезненная и тогда и ныне тема: школа и воспитательная работа. И весьма трезвая оценка: в школе нет места воспитанию. Это только на бумаге они хорошо сочетаются. А в жизни, говорит Олег Семенович, воспитание принудительно навязывается школе. Особенно в части детских сообществ. “Опыт подтверждает, — заключает он, — примеров создания настоящих коллективов на базе учебной деятельности нет”. Отсюда и радикальное предложение — разделить школьную жизнь на академическую (учебную) и клубную (воспитательную)”. Причем разделение должно быть не ментальным, оно существовало, пожалуй, всегда, а реальным — на организационном и институциональном уровне. Клуб — место добровольной ассоциации детей и взрослых, к слову сказать, не только учащихся данной школы, по мнению Газмана, должен иметь свою автономную структуру, материальную базу и сложные договорные отношения с администрацией “Академии”. При этом детские и юношеские общественные организации следовало вывести из ведения последней и разместить их в пространстве “Клуба”. Это же касалось и молодежных политических организаций.

Интересное, не потерявшее значение и сегодня, рацпредложение

Как и в предыдущей публикации, видима понятность формулировок, обоснованность оценок, строгое соответствие посылок и выводов. Несмотря на научно-популярный жанр, композиция и диалектика текста таковы, что за его строками легко вычитывается фигура автора — авторитетного ученого, знающего свое дело, отвечающего за сказанное и его последствия. Словом, никаких неожиданностей.

Это же впечатление оставляют и сугубо научные статьи Олега Семеновича. Сегодня они уже стали педагогической классикой. Введенные О.С. Газманом в научный лексикон понятия: “педагогическая поддержка”, “воспитание свободой”, “школьный клуб” тиражированы в многочисленных статьях и диссертациях, а составляющие педагогической системы Газмана: “Коллектив — Коллектив и Личность — Личность. Творчество — Игра — Культура — Свобода” возводятся современными теоретиками образования в статус фундаментальной онтологии воспитания⁶.

Тем не менее, О.С. Газман чаще всего упоминается исследователями его творчества как ученый, разработавший внешкольные педагогические системы, те, что ныне именуют “дополнительным образованием”. По этой части Олегом Семеновичем опубликовано достаточно большое количество работ, в которых, в частности, значительное место отведено обсуждению воспитательного потенциала игры. Однако, при всем уважении к сделанному этим человеком, исследования Газманом проблематики игры, на мой взгляд,

трудно отнести к разряду изобретений или открытий. Скорее, это неплохо скомпонованные рефераты в той или иной степени успешности, приспособляющие исследования других ученых к потребностям внешкольного воспитания. Хорошая прикладная наука, важная для обеспечения практиков методическая работа. В ней, несмотря на обилие модных к тому времени педагогических метафор, как-то: “самоопределение”, “выбор”, “коллективная творческая деятельность”, рельефно проступает социализирующая педагогическая установка, ориентирующая педагога на передачу воспитанникам посредством игрового взаимодействия значимого для их эффективного функционирования в будущем опыта. Опыта, в общем и целом известного воспитателю. Отсюда и акцент на необходимости педагогического управления детской игрой, в том числе и через ее содержание. “Заметим, — пишет Олег Семенович, — что многие стихийные игры детей — в войну, в разведку, в геологов, мореплавателей, проходят на достаточно примитивном уровне познавательной информации, почерпнутой ранее из книг, кино, телеспектаклей. Точность воспроизведения событий и поступков здесь трансформируется временем и личностью. В играх-драматизациях, организуемых педагогами, уровни достоверности игрового материала значительно выше за счет советов, помощи старших, требований опираться в игровом творчестве на данные науки, научно-популярной, художественной литературы”⁷. То есть игра концептуализируется О.С. Газманом достаточно традиционно в качестве надежного средства социализации, хотя и имеющего свою специфику.

Эта специфика подчеркивается ученым посредством обращения к таким категориям, как “содержательная среда”, “общий дух”, “творческая атмосфера”, то есть к тем понятиям, которыми сторонники системного подхода описывают эффекты целого. С системной точки зрения группа всегда больше простой суммы своих членов и больше суммы личных отношений, существующих в данный момент времени между входящими в ее состав индивидами. Важно умело педагогически аранжировать это совокупное качество. В данном отношении Олег Семенович, хотя и по-своему, продолжает достаточно популярную в отечественной педагогике линию “изучения коллектива как субъекта воспитания”, ищет способы “проникновения в механизм его воздействия на личность”, стремится открыть дополнительные “резервы совершенствования форм и методов педагогического воздействия на коллектив”⁸. Еще раз подчеркну: ничего экстраординарного, хорошая научно-методическая модернизация того, что А.С. Макаренко называл “параллельным действием”.

Даже в представлении методов коллективного воспитания Олег Семенович корректен, он, скорее, интерпретатор, свидетель сделанного другими. Свое, если и присутствует, то вторым планом, в виде сопереживания или восхищения предметом комментирования. Так он писал, например, об И.П. Иванове, зачинаете коммунарского движения в СССР⁹.

Странно, очень странно. Я еще раз перечитываю работы Газмана-ученого и, наверное, от того ощущение несоответствия его образов нарастает. Несоответствия между Газманом-теоретиком, таким, каким он предстает со страниц своих книг, и Газманом-экспериментатором, таким, каким я его знал и, как я теперь понимаю, таким, какому в своей профессиональной жизни как мог, пытался и пытаюсь подражать.

Конечно же, это парадоксальное представление существовало не всегда, оно — плод моих сегодняшних трудных размышлений о судьбе отечественной педагогической науки, крахе иллюзий 80-х, собственной преподавательской несостоятельности, и, разумеется, своих актуальных научных поисков, заставляющих переписывать пережитый опыт, переставлять в нем значения, менять оценки. Тогда же все было по-другому, даже деревья зеленели, кажется, иначе, ярче что ли...

Итак, о Газмане-экспериментаторе

Память — ненадежный свидетель, а потому обращаюсь к своим потемным заметкам, сделанным в июле 1989 года. В них отражается (причем не метафорически) беспощадное субтропическое солнце, стремительно тающие сугробы града на сочинских улицах, смерчи, проносящиеся над головой куда-то, вверх, в кавказские предгорья, что бы там глухо ухнуть и с глумом устремиться назад к морю, перепрыгивая скалы и сметая все на своем пути.

Нас, поселенцев пионерского лагеря, наполнивших "Орленок" говором всех регионов Советского Союза, человек 400 — 500. Здесь дети и взрослые, воспитатели-практики и академические ученые, вузовские преподаватели и активисты знаменитой на всю страну московской "Эврики", журналисты, писатели, и, конечно, совершенно неожиданная публика вроде моего нового друга Эмика, который до конца сбора так и не смог разобраться, зачем его сюда прислали.

Формально, как подсказывают мои торопливые записи, тема сбора, а он назывался "Содружество", определялась в методическом ключе и предполагала согласование форм и содержания воспитания на новом этапе развития советского общества, ознакомление практиков с последними достижениями ученых, тиражирование передового педагогического опыта. Словом, ничего необычного. К тому же концентрация ученых на каждом квадратном сантиметре лагерной территории гарантировала если не полный успех, то, по крайней мере, хорошую содержательную наполненность предстоящей акции. Чиновники государственного комитета просвещения и идеологические работники, командированные присматривать за происходящим, лениво потягивались на орляцком пляже, всем своим видом как бы подчеркивая — ситуация под контролем.

Развитие же событий приобрело несколько иной, неожиданный для многих, в том числе и для автора этих строк, оборот. Необычное началось к исходу третьего дня. Однако сначала несколько слов об этом самом начале. А в начале было то, чем в свое время прославился академик-педагог Ю. Бабанский, то, что чрезвычайно популярно и ныне у массового учительства, и что именуют товарным словосочетанием "обмен педагогическим опытом". Так вот, первые три дня публика старательно пережевывала "животину" этого опыта.

Нельзя сказать, что это занятие было совсем уж скучным. Помещение, например, в котором Александр Наумович Тубельский проводил мастер-класс на тему "Как создать свою авторскую школу", пришлось трижды менять. Не хватало места для всех желающих. Между тем, вместо того чтобы развлекать присутствующих повестью о московской школе самоопределения, где Тубельский с недавних пор был директором, и скандальные слухи о которой были известны сообществу гораздо больше, чем сам эксперимент в учебном заведении, Александр Наумович побуждал любопытствующих сочинять проекты собственных школ, а затем принимал публично экспертировать эти творческие продукты. К вечеру в аудитории появились свободные места, а на следующий день Тубельского можно было застать за неспешной беседой с какой-нибудь группой детей или одиноко бредущего по ирреально пустынным пляжу.

Не лучше обстояли дела и у других носителей передового педагогического опыта. Дольше всех, по моим наблюдениям, продержался Сталь Шмаков¹⁰. Опытный затейник, человек неуемной энергии, известный как коллекционер детских игр и автор многочисленных книг на эту тему, только к концу второго дня стал выдыхаться. В чем сам и признался на вечернем собрании "КОТов"¹¹. "Олег, — гудел он заунывно, — иди ты поиграй с ними, я больше не могу".

Отрядные вечерние костры также быстро растратили свою содержательность. Общий интерес заметно смещался к традиционному посреднику многих наших общественных мероприятий — вину, а пересказы "бородатых" анекдотов чередовались с муссированием слухов о том, что "этот Газман собрал здесь столько людей, а что делать с ними не знает. Он нас за дураков держит. Хватит нам делать вид, что ничего не происходит. Сколько можно терпеть эту бессмыслицу. Пора ЕМУ сказать обо всем открыто".

К исходу третьего дня, измотанные пустым времяпрепровождением (ведь никто никого ничему уже не учил), участники сборов стихийно собрались в актовом зале. Требование развлечения все явственней проступало в этом нестройном хоре. Напрасно, силась перекричать собрание, надрылся Валера Хилтуннен¹²: "Безнравственно веселиться, когда страна гибнет!". Его никто не слушал, зал скандировал: "Ди-ско-те-ку!". Напряжение еще более усилил выход на сцену актового зала дисциплинированной и боевой ленинградской делегации. Ее представители стали требовать смещения руководителя сборов — Олега Семеновича Газмана.

"Раз не знает что делать — пусть убирается. В этом лагере невыносимо! Долой Газмана!" — взвинчивали они атмосферу. Им вторили дальневосточники: "Что это за сбор? Оргкомитет ничем не управляет, нет никакого сотрудничества взрослых и детей! Почему не используется опыт «Орленка»? Пусть Газман предъявит всем программу сборов!".

Не знаю, чем бы закончилось это лихорадочное собрание, если бы не Соловейчик. Не без усилия пробившись на сцену и дождавшись относительной тишины, он не то чтобы сказал, а как-то выстал: "Давайте снимем агрессию. Как бы не было здесь плохо, здесь хорошо!".

Вышедший после него Газман говорил о новой жизненной ситуации, о кризисе воспитания, его содержания и форм, который не где-нибудь во вне, а здесь, с нами самими. Мы не знаем наших детей, мы не умеем их слушать и слышать, мы не умеем на современном уровне с ними работать. Разве не так?

"Критический анализ — инструмент нашего развития, — продолжал он. — Чем больше критики, тем лучше. Иначе невозможно перейти к новому мышлению. Нас все время отбрасывает к уже известному, в старую позицию".

К микрофону вернулся Соловейчик: "Как вы не поймете, — это он ленинградцам. — Если я говорю «социализм» и дети не идут за мной, я работаю против социализма".

Эстафету подхватывает Тубельский. "Школьная жизнь давно стала абсурдом. Весь ее порядок противостоит естественности для ребенка. Подумайте! Идея школьных каникул возникла у Я.А. Коменского в связи с сельхозработами и религиозными праздниками. Мы же живем в другом мире! Необходимо менять структуру учебного года, весь ритм жизни детей!".

"Происходящее — кризис сбора — всакивает с места Саша Адамский¹³. — Ожидания от сбора у всех разные. Как в этом случае быть?"

Постепенно волнение улеглось, о дискотеке уже никто не вспоминает. Похоже, что Адамскому удалось рефлексивный маневр.

А потом всех участников сбора пригласила в "Театр под открытым небом" грузинская делегация. Мы пришли, смеркалось. На сцене и в зале между рядами горели свечи. У самой рамплы лежали цветы, ленты с надписями на грузинском языке, чаши, наполненные до краев тяжелой влагой. Мы ждали. Пять, десять минут... Наконец из-за кулис вышла группа женщин в черных балахонах, строго одетые мужчины, одетые так же, только поменьше ростом, дети.

Звучит речетатив на непонятном горском наречии, затем песня, которая, скорее, напоминает молитву, и в такт которой резонирует зал. Мы, не понимая ни слова, понимаем суть происходящего: это наша общая скорбь по недавно зарубленным в Тбилиси саперными лопатками женщинам и детям. Трогательная гражданская панихида...

Расходимся все молча. Грузины помогли нам "очнуться в настоящем"¹⁴.

Следующий день начался с общего (и детей, и взрослых) сбора. Стены убраны забавными плакатами: "Спор не конфликт, а вид коллективной работы"; "Мимика и жесты в качестве аргументов не принимаются"; "Не переходи на личность, это не цель спора". В зале напряженное ожидание. Никакой расслабленности первых дней.

На сцене искусственный в дискуссиях Адамский бросает в зал "магнитные вопросы":

- Нужно ли сегодня воспитывать революционеров?
- Не устарели ли окончательно коммунарские идеалы?
- Должен ли воспитатель обладать авторитетом у воспитанников?
- Правомерно ли требование "Школа вне политики"?

Зал взрывается. "Не предадим идеалов" — кричат ленинградцы. "За что умирали наши отцы и деды?".

“Если революционные образцы перечеркнуть, то с чем останемся” — вторят им их вчерашние союзники дальневосточники.

“Спокойно, ребята”, — парирует Тубельский. “Вы можете назвать хотя бы одного революционера, который бы был сам счастлив или сделал бы счастливыми своих близких?”

“Педагог должен вести детей за собой” — не унимаются делегаты северной столицы.

“Педагог-лидер препятствует детскому самоопределению” — охладждают их ироничные москвичи.

“Школа должна воспитывать политически активных членов общества” — наступают дальневосточники.

“Но тогда в ней должен быть представлен весь спектр политической жизни страны”, — возражают им степенные прибалты.

Зал раскололся на две соразмерные части, причем буквально, топологически: с левой стороны сторонники традиции, с правой — реформаторы. Дети есть в обеих группах.

Для меня как участника тех событий стало совершенно очевидным столкновение на сборе двух педагогических идеологий, двух практических стратегий, двух вариантов самоопределения, причем не только профессионального. Кажется, что раскол сбора неминуем. Еще одно мгновение и роковые слова будут сказаны, уже появился хищный блеск в глазах ведущего дискуссии Адамского, уже подобрался поближе к сцене готовый к решающему броску на консерваторов его дружинники из “Эврики”, перегруппировались для отражения атаки непоколебимые ленинградцы. Еще мгновение и...

Но Газман на месте. “Подожди, Саша, — говорит он, — остынь. Мне нужно кое-что людям сказать”. И он говорит. Но говорит так, как будто бы не было несколько минут назад жесткого противостояния, готовности оппонентов вцепиться друг другу в глотку, отстаивать свою позицию до последней капли чьей-нибудь крови. И это не примирение сторон в духе педагогики кота Леопольда. Нет. Газман действует как бы поверх события, не оглядываясь на произошедшее. Он опять упорно говорит о новой жизненной ситуации, объективности переживаемых нами всеми проблем. Никакой рефлексии, только конструктив: “Нам всем сейчас нужно хорошо подумать, — как-то очень буднично заключает свое выступление он. — Давайте разойдемся по отрядам, и на местах пообсуждаем, как будем жить дальше”.

А жить в лагере нам предстояло еще целую неделю

И вот после этого очень короткого слова Олега Семеновича в жизни сбора “Содружество” наметился, а потом и произошел решительный перелом. Люди перестали ждать указаний, рассчитывать на авторитеты и разделяемое всеми согласие. Большой пестрый, тяготящийся бременем общего сбора распался на множество отдельных автономных инициатив. Аналитики окрестили потом это состояние лагеря “многосборьем”. Почти одновременно в разных точках лагеря стали собираться не связанные непосредственно с первичными отрядами группы детей и взрослых, объединенные чьими-то, а иногда и непонятно чьими, совершенно неожиданными проектами. Одна из групп оперативно погрузилась на катер и, не успев взять с собой даже одеяла, не говоря уже о продуктах, отбыла на необитаемый остров. Другая — закрывшись от посторонних глаз, стала репетировать рок-оперу, причем силами тех, кто пришел по первому зову Саши Колмановского¹⁵. Третья, ассоциировав в себе любителей истории, вела жаркие дискуссии о судьбе Жанны д'Арк. Четвертая, подражая платоновской Академии, организовала в одной из теннисных аллей “Институт человека”, в котором стали придумывать необычные атропопрактики, например, “философствование жестом”, которые тут же на месте воплощались в жизнь. Пятая — создавала новые виды спортивного многоборья, правила его проведения, апробировала на добровольцах свои “сумасшедшие” изобретения, шестая — создавала живую летопись “Орленка”, приставая к ветеранам-“орлятам” с бесконечными расспросами о том, “как это было”, “когда” и “почему”. Седьмая, состоящая в основном из любителей автор-

ской песни, готовила грандиозный многонациональный концерт, обещавший стать изюминкой на прощальном вечере.

Я по крохам собираю в дневнике упоминания об этих многочисленных инициативах. Конечно, не все они попали в мой блокнот. Какие-то, возможно, предстали в моей памяти в новом, не совпадающим полностью с прототипом, обличье. Однако, главное, за что я как свидетель ручаюсь, это то, что скука, изматывающее всех безделье, ощущение бессмысленности собственного присутствия исчезли окончательно. Все жило, дышало интригой, искрилось весельем, стимулировало к поиску и творчеству. О былом опыте “Орленка”, установках оргкомитета или методических руководствах опытных педагогов никто больше не вспоминал.

Событием сбора стала операция “Робинзон” — спонтанный десант на “необитаемый остров” 40 детей и взрослых — “братство по чокнутости”, как его определила язвительная Юлия Турчанинова¹⁶. Тридцать часов в горах, без провианта, защитной одежды и опытных проводников. С ночевкой в пещерах и плаваньем на бревнах в открытом море.

“Цивилизация погибла! — объявил робинзонам инициатор проекта Слава Погребенский¹⁷. — Что будем делать?!”

“Размножаться!” — не сговариваясь, рявкнули хором подростки.

В первые часы робинзонады “заболел” распорядитель десанта Погребенский, ближе к ночи “захандрили” остальные зрелые попутчики. (Взрослые выпали в “пассив”). Детям пришлось брать инициативу в свои руки: организовывать жизнь лагеря, поддерживать его жизнедеятельность, обеспечивать возвращение “домой”. В результате — совершенно потрясающие психолого-педагогические наблюдения: “пещеры” — формы спонтанной детской самоорганизации, Совет пещер — орган управления сообществом, локальный язык — перестук камней с разной частотой и, соответственно, с разным значением, мудрая осторожность детей в поисках горных троп, в контактах с неизвестным, с тем, что обычно обозначает зону педагогического риска и рождает у педагогов охранительную установку “Как бы чего не вышло”.

“Самое трудное было для меня, — рассказывала на подведении итогов Юлия Турчанинова, — сохранить самообладание, все происходило очень медленно, часто, как мне казалось, не правильно. Очень трудно было не вмешаться”. “А еще, — добавляет Слава Погребенский, — мы поняли, что не умеем наблюдать. Мы любовные, вербальные, а наши дети говорят действием”.

“Мне кажется, — подытожил дискуссии Сергей Поляков¹⁸, — что участие взрослых в «Робинзонаде», пусть даже и в пассивной позиции, блокировало развитие событий по сценарию «Повелителя мух»”.

И вот, наконец, последний день — день подарков. В актовом зале негде было, что говорится, яблоку упасть. Взаимные отчеты творческих групп вылились в фестиваль педагогических идей, проектов, действующих воспитательных программ. Чувство того, что мы можем, что содружество взрослых и детей — не педагогическая греза учителей-неудачников, было, как мне казалось, всеобщим...

За кулисами ко мне, дирижирующему выступлением нашей группы, подошел Олег Семенович: “Ну, что скажешь? Есть ощущение, что что-то получилось?”. Я ответил вопросом на вопрос: “А Вы что, еще сомневаетесь?”. “Не знаю, ответил кому-то далекому Газман, заказчик, вроде, недоволен”.

P.S.

Заказчик был действительно очень разражен. По окончании сбора, на итоговом совещании группы научно-педагогического сопровождения и представителей госкомитета было сказано немало жестких слов в адрес прошедшего события. Приведу для примера одно из тех высказываний, которое сохранил с протокольной точностью мой старый блокнот: “Мы ставили перед вами задачу обучающего характера. Что же вышло? Группа Газмана изменила цель и не поставила нас в известность. Это обман. Я всегда чувствовал недоброе отношение этих людей и к себе, и к пионерии, и к комсомолу...¹⁹”.

В защиту Газмана выступили двое

Александр Изотович Адамский: "Обучающие программы акультурны. Существующая форма и содержание воспитания истощали себя. Цель культуры — творчество. Сбор это доказал".

Михаил Антонович Гусаковский²⁰: "Нормальная наука никогда прямо не выполняет политический заказ. На его основании она сама формулирует свои цели. Сбору удалось смоделировать общественно-педагогическую ситуацию, использовать феномен нестабильности для отслеживания эффектов самоорганизации. Сбор — смелый и удачный социальный эксперимент".

Вскоре мы все разъехались по своим республикам. Газману предстоял непростой разговор в Государственном комитете по науке и образованию СССР.

Маятник качнуло в другую сторону. Начинался термидор. Селезнев²¹ радостно громил "Учительскую газету".

P.S.S.

Я вновь обращаюсь к теоретическому наследию Олега Семеновича Газмана. К тому парадоксальному впечатлению, которое образуется при сопоставлении его вполне нормативных научных произведений и той беспрецедентной экспериментальной работы, которую долгие годы вел этот выдающийся человек. Почему нигде он не описал опыт "Содружества"? Не считал нужным? Не успел? Не смог?

Полагаю, что верно последнее

Для описания этого эксперимента, как мне кажется, у Олега Семеновича просто не было подходящего языка. Его отсутствие

обусловлено как минимум двумя обстоятельствами. Первое связано с тем, что освоенный Газманом лексикон научной педагогики и социальной психологии годился для стандартных кодифицированных условий, методических разработок и идеологических манифестов, близких опыту массовой практики. Но он же оказался совершенно непригодным для концептуализации беспрецедентных действий, опыта, который в действиях людей только рождался. Причем, что важно отметить, Олег Семенович не создавал и не мог создать тех экспериментальных условий, которые имели место в "Орленке". Вполне возможно, что первоначально он вполне добросовестно пытался выполнить заказ ЦК ВЛКСМ. Однако понимание происходящего в стране, образовании, лагере побудило Газмана к отказу от первоначального замысла, сформировало у него экспериментальную установку, побудило к поиску за пределом собственных схем мышления. Это, по моему мнению, и есть настоящая наука. Олег Семенович в этом поступке подобен Сталкеру в зоне, бросающему гайки в неизвестное и лишь потом, делающего шаг. Слова в таких случаях всегда появляются после.

И второе. Описание динамической реальности, практики в целом требует особого языка, отличного от привычных научных дефиниций, фиксирующих статические отношения. Бурдые называл эти специфические понятия "практическими концепциями". Педагогика, к сожалению, будучи ориентирована на теоретические образцы научности, часто оставляет без внимания действенный план. Когда же предметом описания становится беспрецедентное действие, то концептуальный дефицит возрастает вдвойне. В результате угроза сведения нового к известному становится вполне реальной. Немота Газмана оправдана стремлением преодолеть гравитацию опыта, желанием выйти за пределы обычного. И он сумел это сделать, но сделать поступком.

Вначале было дело.

- 1 Матвеев Владимир Федорович — (1932–89) российский журналист и педагог, один из создателей "Педагогики сотрудничества". В 1983–88 главный редактор "Учительской газеты", ставшей под его руководством общественным центром перестройки народного образования. Председатель Творческого союза учителей СССР в 1989.
- 2 Соловейчик Симон Львович — (1930–96), писатель, журналист, сотрудник "Учительской газеты" (в 1986–89 один из инициаторов общественного движения "Педагогика сотрудничества".
- 3 Газман О.С., Харитоновна Н.Е. Воспитательные возможности коллективной игры. / Учительская газета от 11 июня 1985 г.
- 4 Речь идет о работе Д.Б. Эльконина "Психология игры". — М. 1978.
- 5 Газман О.С. "«Академия» и «клуб»". / Учительская газета от 15 декабря 1988.
- 6 Богуславский М.В. Новые книги. О.С. Газман. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. / Первое сентября №3 — 2003.
- 7 Газман О.С. Игра как средство дополнительного образования подростков. / В кн. Газман О. С. Неклассическое воспитание: От авторитарной педагогики к педагогике свободы. М., 2002.
- 8 Газман О.С. Воспитатель — детский коллектив. / В кн. Газман О. С. Неклассическое воспитание: От авторитарной педагогики к педагогике свободы. М., 2002.
- 9 Газман О.С. Коллективное творческое. Рассказ о том, как родилась и развивалась методика коллективного творческого воспитания. / Учительская газета от 17 декабря 1987 г.
- 10 Шмаков Сталь Анатольевич — (1931–1998) российский писатель, ученый, педагог. В 1989 году заведовал кафедрой теории и методики воспитательной работы, социальной педагогики ЛГПИ (г.Липецк).
- 11 Сбор "Содружество" сопровождался двумя группами поддержки: "ГРОБы" — группа обеспечения и "КОТы" — команда организаторов творчества.
- 12 Хилтунен Валерий Рудольфович — известный российский журналист, писатель. В 1989 году корреспондент "Комсомольской правды". Под его началом в школьном отделе "Комсомолки" готовилась рубрика "Алый парус".
- 13 Адамский Александр Изотович — в 1989 году корреспондент "Учительской газеты", один из лидеров московского общественно-педагогического клуба "Эврика". На сборе "Содружество" руководитель аналитической группы.
- 14 Термин Д.Ю. Короля.
- 15 Колмановский Александр Борисович — психолог, педагог. В 1989 году воспитатель в экспериментальной "Школе «Самоопределения» А.Н. Тубельского".
- 16 Турчанинова Юлия Иосифовна — в 1989 году доцент кафедры педагогики и психологии Республиканского института повышения квалификации работников образования, г. Москва, член команды О.С. Газмана.
- 17 Погрбенский Вячеслав Ильич — в 1989 году доцент кафедры педагогики и психологии Республиканского института повышения квалификации работников образования, г. Москва, член команды О.С. Газмана.
- 18 Поляков Сергей Данилович — в 1989 году заведующий кафедрой педагогики и психологии Ульяновского института повышения квалификации учителей, кандидат педагогических наук, член команды О.С. Газмана.
- 19 Цитируется фрагмент выступления руководителя оргкомитета, секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Валерьевича Цыганкова.
- 20 Гусаковский Михаил Антонович — философ, теоретик образования. В 1989 году доцент кафедры философии Гродненского государственного медицинского института, кандидат философских наук, член команды О.С. Газмана.
- 21 Селезнев Геннадий Николаевич — российский общественный деятель, в 1988–1991 гг. — главный редактор "Учительской газеты".